

Любовное послание Марка Шагала

«Уеду куда угодно: в Голландию, на юг Италии, в Прованс — и скажу, разрывая на себе одежду:

Родные мои, вы же видели, я к вам вернулся. Но мне здесь плохо. Единственное мое желание — работать, писать картины.

Ни царской, ни советской России я не нужен.

Меня не понимают, я здесь чужой.

(...) Теперь, во времена РСФСР, я громко кричу: разве вы не замечаете, что мы уже вступили на помост бойни и вот-вот включат ток?

Последние пять лет жгут мою душу.

Я похудел. Наголодался.

Я устал. Возьму с собой жену и дочь. Еду к вам насовсем.

И, может быть, вслед за Европой, меня полюбит Россия».

Вдруг разверзается потолок, гром, свет — и стремительное крылатое существо врывается в комнату в клубах облаков». Это изображено на картине 1917–1918 годов «Видение». Картина звучащая: стоит взглянуть на нее, и слышно, как разворачивается тугий синий рулон, шуршат причудливые складки, трепещут крылья за спиной ангела.

Может быть, это тот самый ангел-хранитель, который уберет его во время двух мировых войн, спас от погромов, репрессий и геноцида? Тот, что в союзе с самоотверженными музейными работ-

Венчание
1918
ГГ

никами сохранил панно, написанные Шагалом в 1920 году для ГОСЕТа — Государственного еврейского театра? За два месяца, работая днем и ночью, Шаггал расписал стены, потолок, занавес. Голодный художник с особым вдохновением изобразил на фризах накрытые столы, уставленные блюдами с пирогами, фруктами, всевозможными угощениями. Театральный швейцар приносил ему серый хлеб из овсяной муки и жидкое, прозрачное, как крахмал, молоко. «Может, таким и должно быть молоко революционной коровы?» — думал он. Бродячие музыканты, свадебные шуты, танцовщицы, переписчики Торы, акробаты, актеры, летающие, жонглирующие собственными головами на центральном панно «Введение в новый еврейский театр», встречали зрителей. Самого Шаггала вносят в этот театр на руках, скрипач в честь открытия новой жизни перепиливает скрипку пополам.

Увы, в советской реальности никто не носил на руках ни Шаггала, ни звезду ГОСЕТа гениально-Соломона Михоэлса. Ни в Витебске, ни в Москве Шаггалу не находится места. Забрав жену и годовалую дочку, он едет в Париж, как в изгнание. Михоэлс и Еврейский театр наслаждались новой

жизнью до конца сороковых, а потом оказались в ней лишними. Михоэлсу чекисты проломали голову, театр закрыли, а панно сняли со стен и укрыли в запасниках Третьяковки. Слава Шаггала достигла апогея, лучшие музеи мира считали за честь выставить его произведения, а в советской России он был в свинцовой опале. За то, что еврей, за то, что эмигрант, за то, что не соцреалист, за то, что непочтительно изобразил Ленина вверх ногами («Революция», 1937). И только в 1973 году Шаггала вдруг «разрешили» — первый и единственный раз после отъезда он вернулся на родину с большой выставкой. Тогда-то музейные хранители с торжеством предъявили в целостности и сохранности панно из Еврейского театра. Тронутый его героизмом, Шаггал торжественно подписал эти работы полувековой давности. Однако в Витебск Шаггал так и не поехал. Кто говорит, не позволило здоровье, кто говорит, побоялся, что его Витебска уже не осталось...

И вот, спустя еще три десятилетия, в Третьяковской галерее открылась одна из крупнейших в мире и самая большая в России ретроспектив-

Авраам и три ангела
1960–1966
Национальный музей «Библейское послание Марка Шаггала»

ная выставка Марка Шаггала «Здравствуй, Родина!» (так называется одна из картин художника). Помимо экспонатов из отечественных музеев и частных коллекций, на ней представлено около трех десятков картин из парижского Центра Жоржа Помпиду и двенадцать из музея «Библейское послание Марка Шаггала» в Ницце.

Странное чувство испытываешь, разглядывая экспонаты выставки. Кажется, собрались после долгой разлуки члены разбросанной по миру семьи. Вот первевые рисунки тушью 1914 года — солдаты, беженцы, поезда, раненые... Все эти листы были сделаны на едином дыхании, под влиянием впечатлений о начале войны, но разлетелись по разным городам. На табличках, указывающих их постоянное местонахождение, читаем: Тула, Краснодар, Санкт-Петербург, Саратов, Москва.

Хоть Россия знать Шаггала не хотела, но подарки от него, так и быть, принимала. Так в 1927 году собрание Третьяковки пополнилось изумительными иллюстрациями к «Мертвым душам». Дарственная надпись автора говорит сама за себя: «Дарю Третьяковской Галлерее со всей моей любовью русского художника к своей роди-

не эту серию 96 гравюр, сделанных мною в 1923–1925 гг. к Мертвым Душам Гоголя для издателя Ambroise Vollard в Париже. Париж 1927. Марк Шаггал». На выставке представлено восемь работ из этой серии. Особенно замечательна одна из них: Гоголь и Шаггал носами в разные стороны, один пишет, другой рисует, над ними ангел и коромысло (художник скромно: перевешивает все-таки тот конец, который над Гоголем).

Белла, Белла, Белла... — с звездочкой, с белым воротником, в берете, в свадебном платье. Это с

России, ослам и другим
1911
Национальный музей современного искусства, Центр Жоржа Помпиду

ней летит Шаггал над городом на знаменитейшей картине, на ее шее весело сидит с бокалом вина («Двойной портрет с бокалом вина», 1917–1918). Белла — жена, муза, душа... Тридцать лет они были вместе. Белла сопровождала его в Витебске, Москве, Париже, Берлине и Нью-Йорке. В Америку ехали неохотно, но то был 1941 год... Жизнь в Нью-Йорке пестрая, насыщенная, Марк и Белла окружены друзьями, но обе родины художника, Россия и Франция, в огне, огнем охвачены и его картины-видения. «Наваждение» (1944) — перед пылающим домом, похожим на витебский дом самого Шаггала, стоит синяя лошадь, запряженная в мчащуюся телегу. В телеге двое: у взрослого на лице непередаваемый ужас, ребенок закрыл глаза руками. Вверху и сзади кровавая возня и резня, а впереди из-за угла дома выступает огромное лежащее на земле Распятие. (Глубокая религиозность Шаггала не укладывалась в конфессиональные рамки. Распятый Христос как символ человеческого страдания часто появляется на его картинах. На одной из них, части триптиха «Сопроотивление. Возрождение. Освобождение», 1937–1952, Христос совершенно явственно идет навстречу

зрителю вместе с крестом.) «Явление семьи художника» (1935–1947) — сам Шагал перед мольбертом с кистью в руках (как на картине с ангелом, как на множестве других работ), но голова его повернута назад — в прошлое своей семьи и сво-

вается Вирджиния. Это был последний год их совместной жизни. А с середины пятидесятых женские образы обретают черты Валентины Бродской, второй жены Шагала, разделившей с ним последние тридцать лет.

Возрождение
1937–1948
Центральная часть триптиха. Национальный музей современного искусства, Центр Жоржа Помпиду

его народа. Отец, мать, сестры, раввин с Торой протягивают к нему руки, из руин Витебска к небоскремам Нью-Йорка. Там, в Америке, в сентябре 1944 года умерла Белла. «Долгие годы ее любовь освещала все, что я делал», — писал Марк. После ее смерти несколько месяцев — других таких, наверное, не было за всю жизнь — он не прикасался к кистям. Через год вышли в свет мемуары Беллы с иллюстрациями Шагала — в них вся любовь, вся нежность, вся боль разлуки...

А в конце того же 1945 года в жизни художника появляется другая женщина — Вирджиния Хаггард. Чересчур строгие моралисты и некоторые биографы отпускают неодобрительные замечания: так скоро после смерти «одной-единственной, ни на кого не похожей!» Да, Белла была и осталась единственной, никем не потесненной, но для душевной гармонии, без которой Шагал не мог творить, в его жизни, как в мире, должно было присутствовать женское начало. Удивительно, что лица на картинах Шагала, при всей условности изображения, точно передают, так сказать, интонацию определенного лица. В Вирсавии на картине 1951 года «Царь Давид» безошибочно угады-

Моисей, получающий скрижали Завета
1950–1952
Национальный музей современного искусства, Центр Жоржа Помпиду

Вскоре после возвращения из Америки во Францию Шагал перебирается на юг. Прозрачный, напоенный светом воздух Прованса впитывается в его палитру. На его картинах появляются цветы, влюбленные пары — они были и раньше, но не такие беззаботно-ликующие. Кто хоть раз был в Провансе, мгновенно узнает его цвета: белый, синий, желтый. От картины 1967 года «Мастерская в Сен-Поле» так и веет лавандой. Понять настроение художника можно по одним названиям серии литографий того же года: «Розы и мимоза», «Сирена и рыба», «Бухта ангелов с букетом роз» (так называется ниццкая бухта), «Битва цветов», «Влюбленные с букетом». И просто — «Радость» (цветная литография 1980 года). Ох, и досталось Шагалу от искусствоведов за эти розы-мимозы! Коммерческое искусство, китч, вырождение — как только не обзывали его поздние работы. Где прежняя трагическая терпкость, нищие евреи, убогие домишки? Но можно ли требовать от художника постоянно жить погруженным в трагедию? Ведь такого врагу своему не пожелаешь... Кроме того, именно в последние десятилетия Шагал не только наслаждался теплом и солнцем счастливого

Двойной портрет с бокалом вина
1917–1918
Национальный музей современного искусства, Центр

Прованса, но и постигал высокую поэзию Священного Писания. И чем больше проникался ею, тем усерднее плясал, как библейский царь Давид.

Мысль иллюстрировать Библию окончательно созревает в тридцатые годы (издатель Воллар сделал Шагалу такой заказ). Художник долго готовится, едет в Палестину. Он работает над иллюстрациями до самой войны и возобновляет эту работу, вернувшись из Америки. Пять из более чем сотни офортов-иллюстраций можно видеть на выставке. Они хранятся в Москве, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина (подарены музею дочерью Шагала Идой в 1991 году). Представлены также несколько гуашей 1931–1932 годов из ниццкого музея.

Этот музей с необычным названием — «Библейское послание Марка Шагала» — заслуживает особого разговора. В 1966 году Шагал преподносит в дар Французской республике семнадцать больших полотен, 39 гуашей, офорты и литографии на темы Ветхого Завета. Для этой коллекции и был построен музей, на открытие которого Шагал сказал: «Еще в детстве я был пленен Библией. Мне всегда казалось, да и теперь кажется, что

это величайший источник поэзии на все времена. С той поры я искал ее отражение в жизни и в искусстве... Мне кажется, что в картинах этих запечатлена мечта не одного народа, а всего человечества... И я хочу преподнести их в дар Франции, где я, можно сказать, заново родился... Возможно, в этот музей придут молодые и не очень молодые люди, чтобы найти идеал братства и любви, который я стремился выразить своими формами и красками... В искусстве, как и в жизни, нет ничего невозможного, если действия направляет Любовь». Музей в Ницце стал международным местом паломничества. Соотечественникам Шагала, возможно, труднее других добраться до Лазурного берега. Поэтому и еще потому, что сам мастер наверняка обрадовался бы возможности окунуть свои произведения в российскую культурную среду, его наследники и дирекция музея решились привезти в Москву одну из тех картин, которые, по воле Шагала, никогда не должны были покидать музейных стен. Это большой холст, писавшийся шесть лет (1960–1966), «Авраам и три ангела». В молодости Шагал много времени посвя-

Над городом
1914–1918
ГТГ

тил изучению русской иконописи; сказать, что рублевская «Троица» была ему знакома, все равно что ничего не сказать. Великие художники легко переходят из времени в вечность. Наверное, когда три ангела явились Аврааму, с одной стороны это явление наблюдал Рублев и написал их лики, с другой же — Шагал, изобразивший шесть красных крыльев со спины. Благодаря игре лучей и плоскостей ангелы словно парят над красным фоном картины, словно выдвигаются из нее к зрителю.

«Все можно изменить в жизни и в искусстве и все преобразуется, если мы, не стесняясь, станем произносить это слово — Любовь, пусть оно и окутано романтизмом. Но другого слова у нас пока нет. Оно заключает в себе подлинное искусство. Это моя манера письма, моя религия, новая и в то же время старая религия, идущая к нам из глубины веков». (Из ответов Шагала на вопросы слушателей лекции, прочитанной в 1958 году в Чикаго.)

Послание любви Марка Шагала дошло наконец до России.

Наталья Мавлевич